На следующее утро Ли Чжунцянь, что неудивительно, снова был пьян. Но он все равно не забыл купить Ли Яоинь слоеные пирожные из дома бабушки Чжан.

Яоинь взяла пирожные и дала ему чашу отрезвляющего тростникового сока:

- Старший брат, я послала кое-кого привести почтенного Мондатипу во дворец. Он уже прибыл и проверяет пульс матери.

Ли Чжунцянь издал неясный звук, наклонил голову и выпил весь тростниковый сок одним глотком. Затем он лег, откинувшись на войлочную циновку, и крепко заснул. Яоинь рассмеялась, села перед ним на колени и дала ему несколько пощечин. Он не проснулся.

- И так каждый раз. Обещает, но все равно пьет, как лошадь...

Яоинь тихо пробормотала несколько слов, отжала горячее полотенце, вытерла лицо и руки пьяного Ли Чжунцяня. Второй принц обычно не выпускал из рук золотые молотки. На его руках были грубые мозоли, обе ладони были крест-накрест испещрены шрамами.

После стольких лет на это все еще было шокирующе смотреть.

Яоинь держала широкие и толстые ладони Ли Чжунцяня, и кончики ее пальцев коснулись отвратительного шрама от ножа.

Когда эти руки учили ее писать, они все еще были парой тонких рук с длинными, изящными пальцами. Ли Чжунцянь тогда был спокойным и элегантным, нежным и утонченным. Он следовал за великими учеными, чтобы каждый день читать эти толстые тома, умел писать круглым, сильным и тонким почерком и рисовать пейзажи обугленными чернильными палочками.

Климат уезда Вэй был мягким. Весной расцветали сотни цветов. Цветущая слива в саду была похожа на снег, а персик и абрикос были нежными и красивыми. Когда мимо проносился ветерок, земля перед ступенями была усыпана опавшими лепестками.

Ли Чжунцянь писал и учился, а Яоинь ползала рядом с ним на войлочном коврике. В какой-то момент она посмотрела на трепещущие цветы, простиравшиеся перед верандой, насколько хватало глаз. В следующее мгновение она снова повернулась к письменному столу и с любопытством наблюдала, как Ли Чжунцянь орудует чернилами.

Ли Чжунцянь поднял Яоинь, позволив ей сесть к нему на колени, взял ее пухлую маленькую ладошку и учил ее держать кисть. Он научил ее писать свое имя, научил рисовать элегантные и безмятежные орхидеи.

Когда Яоинь было пять лет, стояла поздняя весна. Ли Чжунцянь указал на пышные падающие

цветы перед верандой и научил ее повторять слово в слово:

«Гости в высоком павильоне ушли, а цветы в маленьком саду разлетелись».

На следующий день после прочтения этого стихотворения «Опавшие цветы» Ли Чжунцянь вернулся в Цзиннань, чтобы подмести могилы. Яоинь отправили к Ли Дэ.

Наступила осень, когда брат и сестра снова встретились. С парой золотых молотков весом в сто фунтов Ли Чжунцянь в одиночку преодолел тысячу миль через горы трупов и реки крови, чтобы найти умирающую Яоинь. Весь в шрамах и синяках, покрытый кровью, он крепко держал свою младшую сестру.

- Сяо Ци, не бойся, старший брат здесь, чтобы забрать тебя.

Ножевая рана на ладони Ли Чжунцяня была результатом того времени. С того дня он больше никогда не прикасался ни к свиткам, ни к кистям. Он каждый день упражнялся со своими молотками. В ответ на слова Се Вуляна его враждебность становилась все сильнее и сильнее, а его темперамент становился все более мрачным и раздражительным.

Его тело с каждым днем становилось все сильнее. Руки, которые раньше целыми днями держали свитки, перебирали цветы и кисти, постепенно перестали быть длинными и изящными руками благородного гунцзы из знатной семьи и стали тем, чем они были сейчас.

Даже руки Се Цина выглядели лучше, чем у Ли Чжунцяня.

Яоинь некоторое время сидела, погруженная в свои мысли. Она знала, как люди снаружи смотрят на Ли Чжунцяня. Они говорили, что он убивал людей, как мух, что он был тираничен и жесток, и что он уничтожал один город за другим. Яоинь как-то посоветовала Ли Чжунцяну - на поле боя, если ты не убьешь, враг убьет тебя. Вполне естественно, что ты не можешь быть мягкосердечным, но резня целого города все же была слишком хладнокровной.

Ли Чжунцянь слегка рассмеялся и погладил Яоинь по голове. Яоинь думала, что он прислушался, но на следующий день она обнаружила, что окружена новой группой слуг.

Слуга А сказал: «Мисс, второй принц любим народом!»

Слуга Б сказал: «Мисс, будьте уверены, люди не ругали второго принца».

Яоинь тогда так разозлилась, что бросилась назад: как мог Ли Чжунцянь додуматься до такого способа обмануть ее?

Глубоко спящий Ли Чжунцянь внезапно перевернулся и сжал запястье Яоинь своей ладонью.

Яоинь мгновенно пришла в себя. Она оттолкнула руку Ли Чжунцяня и тихо выругалась:

- Ты позволяешь только чиновникам разжигать костры, но не людям зажигать лампы*!

(ПП: Люди, стоящие у власти, могут делать все, что захотят, но люди, стоящие ниже них, еще более ограничены в меньших вещах.)

Муслиновая занавеска слегка колыхнулась, и снаружи донесся голос Чун Жу:

- Ваше Высочество, достопочтенный мастер вышел.

Яоинь оставила дворцовую служанку заботиться о Ли Чжунцяне и встала, чтобы пойти в западное крыло.

Мондатипа был одет в буддийскую мантию, популярную сегодня среди монахов в северной части Центральных равнин. Появившись с достоинством и торжественным образом Дхармы, он вышел из внутреннего зала и сложил ладони вместе:

- Принцесса, Се Гуйфэй действительно дали браминский яд.

Стоявший в стороне главный управляющий опустил голову и покрылся холодным потом.

Лицо Яоинь слегка потемнело. Она знала, что от болезни Се Гуйфэй нет лекарства, и пригласила Мондатипу во дворец не для того, чтобы лечить мать, а для того, чтобы выяснить причину болезни.

Она уже заболела и была сбита с толку, когда родилась Яоинь. В то время госпожа Тан уже умерла, а семья Се все еще процветала, без каких-либо признаков разрушения. Несколько месяцев назад даосский священник проверял пульс Се Гуйфэй и высказал предположение: Се Гуйфэй, возможно, принимала браминское лекарство, из-за чего ее разум был ненормальным. Главный управляющий не очень разбирался в медицине браминов, и Яоинь не стала предавать это дело огласке, боясь ударить по траве и напугать змею*.

(ПП: идиома, поднять шум и спугнуть главных зачинщиков)

Она пригласила Мондатипу во дворец, чтобы подтвердить, были ли предположения даосского священника правдой или ложью.

Мондатипа, казалось, совершенно не замечал внезапно сгустившейся атмосферы и медленно и обдуманно произнес:

- Лекарство Брамина, принимаемое Се Гуйфэй, должно быть бессмертным лекарством для долголетия, как записано в «Рецепте Бессмертного лекарства». Этот бедный монах однажды видел людей, которые принимали это лекарство длительное время. Они не могли спать по ночам, не могли иметь покоя днем. Их разум был в замешательстве, их воспоминания перевернулись. Симптомы были те же, что и у вашей Се Гуйфэй.

Яоинь спокойно спросила:

- Почтенный, есть ли лекарство от этого?

Мондатипа покачал головой с выражением сострадания:

- Токсины бессмертного лекарства долголетия не могут быть удалены. Болезнь Се Гуйфэй гораздо серьезнее, чем у тех, кого видел этот бедный монах. Болезни сердца трудно поддаются лечению.

Яоинь понимала это в глубине души. Се Гуйфэй не могла смириться с тем фактом, что Се Вулян умер. Причиной болезни была браминская медицина, но плохие новости о семье Се свели ее с ума. Пока она безумна, она будет думать, что Се Вулян все еще жив.

Яоинь закрыла глаза и успокоила все свои мысли.

Дворцовые слуги приготовили золото, серебро, шелк, лечебные травы и несколько лошадей в качестве благодарственного подарка для Мондатипы, как она и приказала.

Се Цин отправился в Зал правительственных дел и принес документы, подписанные несколькими премьер-министрами, чтобы монахи могли пересечь границу. Яоинь знала, что Мондатипа спешит уехать в Западные регионы, поэтому не стала его задерживать. Отдав ему документы, она проводила его из дворца.

Мондатипа был ошеломлен. На самом деле он не хотел идти во дворец, чтобы лечить Се Гуйфэй. Во время своего пребывания в Шу он часто имел дело с высокопоставленными чиновниками и знатными людьми. Большинство из них были вежливы в этикете и утонченны в поведении, утверждали, что они преданы, очень увлечены буддийскими ритуалами и священными писаниями, но действовали жестоко, эгоистично и бесчувственно, не заботясь о жизни низшего класса.

Когда Мондатипа покинул Шу, могущественные люди, которые привыкли считать его своим гостем, немедленно отвернулись от него, насильно задержали его и его учеников, угрожая ему убийством его сопровождающих.

Он сбежал из Шу, и его решимость отправиться в Западные регионы окрепла, но надзиратель храма Дациен сказал ему, что он умрет в Цзиньчэне без документов на проезд. Ради

пропускных документов Мондатипа был вынужден войти во дворец с риском быть задержанным седьмой принцессой.

Когда седьмая принцесса спросила его, можно ли вылечить болезнь Се Гуйфэй, он на мгновение заколебался, но тем не менее сказал правду. Это правда, что болезнь Се Гуйфэй невозможно было вылечить.

Мондатипа был встревожен.

Вопреки его ожиданиям, седьмая принцесса отличалась от тех влиятельных людей, которых он встречал раньше. Она не набросилась на него, не выместила на нем свой гнев и не заставляла его насильно лечить мать. Она сразу отпустила его, как и было условлено, а также приготовила для него щедрый подарок.

Камень, тяготивший сердце Мондатипы, наконец упал на землю. Испытав облегчение, он почувствовал жалость. У седьмой принцессы было изящное лицо, ясный и струящийся взгляд, похожий на рассеивающиеся облака на восходе солнца, проливающий великолепный и сияющий свет. В ней было какое-то сродство с буддизмом.

К сожалению, принцесса не верила в буддизм.

Мондатипа утешил Яоинь:

- Принцесса, все предопределено. То, что Се Гуйфэй в таком состоянии - это не так уж плохо. Хорошее и плохое взаимозависимы. Вещи в этом мире непостоянны, следуя карме.

Яоинь улыбнулась. Она не понимала смысла дзэн в словах почтенного мастера, но одно ей было ясно: она обязательно найдет того человека, который отравил ее мать.

Покинув дворцовые ворота, Мондатипа торжественно попрощался с Яоинь. Яоинь последовала его примеру и сложила ладони вместе:

- Путь на запад сопряжен с неисчислимыми опасностями и трудностями. Пусть у почтенного мастера будет безопасное путешествие, и все пойдет хорошо.

Мондатипа сказал:

- Большое спасибо, принцесса.

Яоинь вспомнила одну вещь:

- Сын Будды, с которым желает встретиться достопочтенный мастер, это монарх королевства Западного региона Танмо Лодзя?

Мондатипа был немного удивлен, кивнул и сказал:

- Точно.

……

Королевский двор Западного региона отличался от Центральных Равнин. Божественная власть там была важнее королевской власти, и Танмо Лодзя был одновременно высоко почитаемым сыном Будды и светским королем, богом в сердцах людей Западного региона.

Он взошел на трон молодым человеком, но изначально был марионеточным правителем, управляемым знатными семьями и заключенным своими министрами в буддийский храм для практики буддизма.

Когда Танмо Лодзя было тринадцать лет, хан Северного Жуна повел армию численностью 30 000 человек в набег на столицу королевства. Армия, возглавляемая благородными семьями, не могла сравниться с армией Северного Жуна. Они сдались и в беспорядке бежали.

Танмо Лодзя жил в уединении в буддийском храме. Когда он узнал эту новость, буддийский храм уже был плотно окружен. Монахи убеждали его сдаться, сказав, что он сын Будды и что хан Северного Жуна напал на королевский город, чтобы захватить его живым, чтобы от его имени командовать Западным регионом.

Не желая быть пленником Северного Жуна, Танмо Лодзя спокойно командовал верными ему солдатами-монахами, сбежал из королевского города, а затем собрал рассеянную армию королевского двора, вернувшись, чтобы напасть на армию Северного Жуна.

Когда две армии сражались, сын Будды, Танмо Лодзя, одетый в ярко-пурпурно-красную монашескую рясу, ехал верхом впереди войск. Его одеяние развевалось на ветру, одинокое и великолепное, делая его похожим на бога, спускающегося на землю. Это подняло боевой дух солдат-монахов и армии, они проявили удивительную боевую силу и бросились вперед, не боясь смерти.

Имея всего две тысячи человек, они изгнали неистовую армию Северного Жуна из королевского двора. Непобедимый хан Северного Жуна не ожидал, что проиграет подростку. Вспомнив причудливые легенды о рождении сына Будды, в его сердце поселился затаенный страх, и он повернул обратно на восток, чтобы продолжить аннексию других племен на пастбищах, не осмеливаясь снова опрометчиво провоцировать королевский двор.

Тринадцатилетний Танмо Лодзя победил непобедимого и высокомерного хана Северного Жуна,

несмотря ни на что. Обладая беспрецедентным авторитетом, он воспользовался ситуацией, чтобы вернуть себе трон и установить свою власть над королевским двором.

С тех пор на севере Западных областей в течение десяти лет царил мир.

……

Несколько лет назад монах из Западных областей случайно оказался в Шу. Они с Мондатипой некоторое время общались и Мондатипа слышал, как он подробно описывал буддийское королевство в желтых песках западных регионов, поэтому он знал историю жизни Танмо Лодзя.

После долгих лет войны Центральные равнины и Западные регионы были разделены на десятилетия. В настоящее время все страны Западных регионов считали, что Центральные равнины все еще находятся под властью единой династии. Центральные равнины знали о Западе еще меньше.

Мондатипа не ожидал, что Ли Яоинь действительно слышал о имя Танмо Лодзя.

На самом деле Яоинь не только знала о Танмо Лодзя, но и знала, что этот буддийский монах долго не проживет. Вероятно, подтверждая поговорку о том, что мудрый будет страдать, Танмо Лодзя вырос со слабым здоровьем. Будучи подростком, он лично отправился на поле боя и повел солдат-монахов в бой, и очень скоро стал слишком болен, чтобы вставать с постели и ездить верхом.

Будучи набожным монахом, он продолжал жить в буддийском храме, подавляя амбициозные и энергичные благородные семьи, используя свою личность сына Будды, уравновешивая различные силы и сдерживая Северный Жун.

Хан Северного Жуна боялся Танмо Лодзя. Несколько лет спустя Ли Сюаньчжэнь тоже испугается. Они оба хотели одним махом захватить северный путь Западных регионов. Первый был запуган Танмо Лодзя десять лет назад и не осмелился напасть на королевский двор. Последний Ли Сюаньчжэнь также неоднократно терпел поражения.

Согласно легенде, Танмо Лодзя был сыном Будды, благословленным божественным Буддой и непобедимым в бою. У Северного Жуна и империи Вэй не осталось никакой стратегии, и у них не было другого выбора, кроме как ждать того дня, когда Танмо Лодзя заболеет и умрет.

Танмо Лодзя знал, что если он проживет еще один день, люди его королевства проживут еще один день. Как только он умрет, жители Западного региона будут растоптаны железными копытами Северного Жуна. Молодые люди будут убиты, а старики, женщины и дети превращены в рабов.

Он терпел боль и страдания и поддерживал нестабильный королевский двор своим больным и слабым телом, но в конце концов умер от несчастной болезни. Говорили, что, когда он умер, он уже настолько страдал от боли, что потерял человеческий облик.

Месяц спустя его королевство было разрушено.

Яоинь немного сочувствовала Танмо Лодзя.

Она тоже была хрупкой и болезненной, но брат искренне заботился о ней, и она не сильно страдала. Танмо Лодзя, однако, приходилось усердно заниматься самосовершенствованием с болезненным телом. В его короткие двадцать с чем-то лет каждый день был пыткой. Вероятно, только такой волевой старший монах, как он, мог вынести столько мучительных мук, которые были нестерпимы для обычных людей.

Она молча сокрушалась в своем сердце и больше не задавала никаких вопросов. Она попрощалась с Мондатипой и смотрела, как достопочтенный мастер уходит в окружении своих учеников.

Она не знала, сможет ли достопочтенный мастер успешно увидеть Танмо Лодзя.

……

Резиденция принцессы гуньчжу.

После того, как Ли Сюаньчжэнь ушел прошлой ночью, Чжу Луюнь проплакала всю ночь. Когда она встала утром и посмотрела в зеркало, ее глаза были опухшими, как гнилые персики.

Ее служанка прошептала:

- Принцесса, прошлой ночью наследный принц стоял во дворе до полуночи, прежде чем уйти.

Красные и опухшие глаза Чжу Луюнь снова наполнились блестящими слезами, и она закричала:

- Какой смысл ему стоять там до полуночи? Я умоляла его возглавить войска, чтобы спасти мою тетю, но он отказался!

Служанка тщательно убеждала и уговаривала, болтая о том о сем, произнося кучу хороших, но бесполезных слов.

Чжу Луюнь вытерла слезы:

- Моя тетя – единственный член семьи, который у меня остался в этом мире, я должна вернуть ее!

Она перевернула письмо, которое тетя поручила своему верному слуге передать ей, перечитала его еще раз и приняла решение.

- Ты пойдешь на площадь Инин и скажешь людям племени Елу, что я готова выйти замуж!

Служанка в ответ опустила голову, ее губы слегка приподнялись в улыбке.

http://tl.rulate.ru/book/72517/2277716